

Александр **ДЕНИСЕНКО**

*

Б-Е-Г-Л-Я-Н-К-А

(найти синий или голубой насыщенный цвет)

По Синему проспекту Оби,
по Красному проспекту судьбы
греби, пока есть силы, греби
туда, где дышит море любви.

Господствующий ветер рвёт грудь —
мне румпель бы сейчас повернуть,
но нету лиселей, русленей,
а ветер старых вёсел сильней.

Сломались вёсла... в трудный момент,
остался лишь один инструмент:
греби гитарой девушке вслед,
чтоб устранить любви дифферент.

Прогнулся гриф и стонет декà,
терзает струны суперрека,
бежит от мужа-материка
в объятия ледника-старика.

Тут закричать бы: Обь, твою мать!
Позволь мою любовь снайтовать!
И повторит весь этот словарь
скрипящий на носу улегарь.

Ну что ж: сниму рубашку свою,
в которой шёл с тобой к алтарю,
я парус из неё сотворю
в кильватерном с любимой строю.

Всё кажется теперь, как мираж:
бегущий над водой такелаж,
а позади него за кормой
летит ко мне платок голубой.

Затрепетал мой ситцевый грот —
всё ближе твой смеющийся рот,
гитара исступлённо гребёт,
а волны подбирают аккорд.

Руками занавески дождя
раздвинешь ты, надеясь и ждя,
ты веришь, что тебя я верну,
к губам твоим солёным прильну.

И ветер нас опять удивит,
и ляжем мы с тобой в фордевинд,
а впереди гитар корабли
плывут, где стонет море любви.

Фрегаты, бригантины Оби,
корветы, баркентины мольбы
по красному теченью судьбы
плывут в потоках русской любви.

...И выплывет из мрака маяк —
его зажёт приобский моряк,
а рядом с ним, прижавшись к плечу,
заплачет та, к которой лечу.

Он всё поймёт ... он даст мне весло,
чтоб я забыл любви ремесло —
оно в саду с любимой росло —
её весной с веслом унесло.

Я всё пойму: её не вернуть.
И ветер расстегнёт её грудь,

к которой мне уже не прильнуть,
не целовать любимую ртуть.

Ну что ж: возьму весло, а платок
обнимет над рубашкой флагшток.

Гитару на пожизненный срок
оставлю им как клятвы залог:

прости меня, полегче прости —
пусти меня, на волю пусти —
суди меня, помягче суди —
стыди меня, послабже стыди —
губи меня, поменьше губи —
люби меня, покрепче люби —
попей моей любви из Оби.

Мы жили при красивой реке,
горячей, словно пульс на руке,
но ей, видать, судьбой суждено
не быть в плену счастливой женой.

Лишь ветер прилетит дождевой —
я отвяжу платок голубой.

Рубашка закричит: «Боже мой!..»

Платок летит домой как живой,
чтоб жить с моей живою женой.

По чистому теченью Оби,
которая залечит, как бинт,
когда пройдёшь её лабиринт,
когда войдёшь в крутой бейдевинд —
туда, где были совесть и стыд:

по долговому страданию страны —
по кровному терпенью войны —
по честному молчанью стрельбы —
по вечному слиянью крови —
по млечному паденью звезды —
по лунному скитанью езды —
по тёплому успенью избы —
по мудрому скольженью резьбы —
по львиному рычанию гурьбы —
по звонкому безумью гульбы —
по женскому желанью борьбы —
по дерзкому движенью брови —
по грешному признанью жены —
по тёмному значенью молвы —
по светлому звучанью мольбы —
по тайному сеченью руды —
по жадному веленью цены —
по горькому сознанью вины —
по хриплому рыданию струны —
по хрупкому круженью листвы —
по белому движенью зимы —
по дружному стремленью воды —
по сладкому влиянью весны —
по нежному волненью волны —
по ясному свеченью луны —
по властному влеченью любви —
по Страстному проспекту Оби —
по Красному проспекту судьбы — +

греби против течения, греби + + +
греби, как сумасшедший, греби + + + + +
греби, пока есть силы, греби, + + + + + + + + +
туда, где было море любви. + + + + + + +
+ + + +
+

степь

ГЕОРГИН

степной

степная

птичка

нежный

лес

синяя

опушка

стальная

форбэрайт

рваный

мальчик

вянет

трепетный

речка

тянет

святой

братик

пропадает

беззаветный

жучка

облетает

окаянный

ломтик

вероломная

ворожит

старомодная

солька

безвредный

рвёт

шалльной

огонёк

лировидная

гуляет

заветный

разжигает

так сказать

беспросветный

заметаёт

возможно

беспредметный

жжёт

впрочем

хищный

горит

втихомолку

вольная

обладает

невзначай

живой

лжёт

крепко-

поднебесный

страдает

накрепко

ножевой

крутит

крест-

любит

накрест

батя

дорожит

спозаранку

речка

лобызает

нарасхват

выстрел

погружает

роща

обнажает

мама

сторожит

дядя

одним

виноград

словом

драник

накануне

слёзы

невзирая

лодка

невзначай

речка

при

клятва

наличии

мама

конечно

роща

по причине

жизнь

очевидно

напоследок

поневоле

нараспашку

чуть дыша

Юрию Гурову

Вот и снова сентябрь... Вижу — мальчик сошёл с электрички.
Повзрослел. Волос рус. И на мир исподлобья глядит.
Это, видимо, я — из деревни бреду к перекличке,
и у нас на щеках красный мак ожидания и гнева горит.

Он идёт, как слепой... Я не вижу ближайшего клёна...
Одноклассники стайкой цветами пестрят у крыльца.
Расступились вдруг все. И исчезли. Стоит лишь Алёна
с запылавшим мгновенно букетом родного лица.

Мальчик молча стоит... Я пока что ещё не рыдаю...
Закурить!!! Но звонок... Её парта смеётся в 4-ом ряду —
это значит — нам вместе идти километрами между рядами,
лишь бы только не сесть с ней за парту одну.

Интернат в полусне. Тук-тук -тук — соловей прилетел из деревни:
— Как ты тут? — А... егорий, совсем пропадаю... зер гут.
Соловьиха, она из предместья, чуть выше стучит в перекрестье
Алёне-царевне —

Ах, зачем... всё равно соловьиной любви не вернут... не вер-нуть...

И я знаю, что в лето Господнее благодати в месяце августе
(прочитал по глазам): это с нею случилось на Яблочный Спас —
сорвала она плод и навеки лишила нас медленной радости —
поступила за лето в 10-й, а я — в 1-й класс.

РЕКЛАМА-МАМА

Читайте, внимайте и декламируйте
стихи новосибирских поэтов!

Безумно радуйтесь, наслаждайтесь, испытывайте
добрые чувства!